

ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ГОСУДАРСТВ КАК НОРМА JUS COGENS: ОСПОРИМОСТЬ ПОДХОДА А. ГЕРРЕЙРО

Кочанов Алексей Константинович

Аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0003-9269-6243, e-mail: 338alex20004150@mail.ru.

*Рассматривается один из существующих в доктрине международного права подходов к пониманию принципа невмешательства во внутренние дела государств. Автор выбрал в качестве «концентрированного и свежего образца» научного подхода к принципу невмешательства как к норме *jus cogens* статью авторитетного исследователя международного права А. Геррейро «Правовой статус принципа невмешательства». Данный подход рассматривается с применением методологии критического анализа, в рамках которой используются метод сравнительного анализа, формально-юридический и исторический методы исследования. Во многом подход, выраженный в статье А. Геррейро, воспринимается автором как соответствующий правовым реалиям, однако в нем обнаруживаются очевидные недочеты и направления для дополнительных исследований. В частности, обращается внимание на то, что закрепление принципа невмешательства в Уставе ООН не является абсолютным свидетельством его признания подавляющим большинством государств ввиду особенностей его истолкования и других факторов. Отмечаются трансотраслевой характер действия принципа и необходимость учета особенностей соответствующей отрасли при исследовании принципа. Делается акцент на структуре принципа невмешательства, на его производности от других принципов и норм международного права, а также на факте происхождения некоторых существующих принципов и норм из принципа невмешательства.*

*Ключевые слова: принцип невмешательства во внутренние дела государств, нормы *jus cogens*, вмешательство, принцип суверенного равенства государств, право государств на самооборону, имплементация*

*Для цитирования: Кочанов А. К. Принцип невмешательства во внутренние дела государств как норма *jus cogens*: оспоримость подхода А. Геррейро // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 57–66. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_57.*

THE PRINCIPLE OF NON-INTERVENTION IN THE INTERNAL AFFAIRS OF STATES AS A JUS COGENS NORM: THE CONTROVERSY OF A. GUERREIRO'S APPROACH

Kochanov Aleksey

Postgraduate student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0003-9269-6243, e-mail: 338alex20004150@mail.ru.

*One of the approaches to understanding the principle of non-intervention in the internal affairs of states that exists in the doctrine of international law is examined. The author chose the article by the authoritative researcher of international law A. Guerreiro, «The Legal Status of the Principle of Non-Intervention», as a «concentrated and fresh example» of the scientific approach to the principle of non-intervention as a *jus cogens* norm. This approach is examined using the methodology of critical analysis, which uses the method of comparative analysis, formal-legal and historical research methods. In many ways, the approach expressed in A. Guerreiro's article is*

perceived by the author as corresponding to legal realities; however, it reveals obvious shortcomings and directions for additional research. In particular, attention is drawn to the fact that the enshrinement of the principle of non-intervention in the UN Charter is not absolute evidence of its recognition by the overwhelming majority of states due to the peculiarities of its interpretation and other factors. The trans-sectoral nature of the principle's action and the need to take into account the peculiarities of the relevant sector when studying the principle are noted. Emphasis is placed on the structure of the principle of non-intervention, on its derivation from other principles and norms of international law, as well as on the fact that some existing principles and norms originate from the principle of non-intervention.

Key words: principle of non-intervention in the internal affairs of states, jus cogens norms, intervention, principle of sovereign equality of states, right of states to self-defense, implementation

*For citation: Kochanov A. (2024) The principle of non-intervention in the internal affairs of states as a jus cogens norm: the controversy of A. Guerreiro's approach. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 57–66, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_57.*

Сегодня вооруженные конфликты и точки международной напряженности спорадически разрастаются по всему земному шару: Украина, Албания, Новая Каледония, Нагорный Карабах, Тайвань, Корейский полуостров, Гаити, Ливия, Израиль, Сирия, – данный список можно продолжать очень долго. Поводы у этих конфликтов различные, однако причина, в сущности, одна: желание третьих государств подчинить себе волю тех или иных групп населения в целях ослабления действующей власти или изменения ее. Если надлежащим образом установить причины каждого международного или немеждународного конфликта, то неизбежным окажется вывод о том, что суть его – вмешательство во внутренние дела государств. Таким образом, суть глобальной угрозы миру и безопасности, нависшей сегодня над нашей планетой, – несоблюдение установленного и признанного международным сообществом принципа невмешательства во внутренние дела государства.

В научной доктрине сложилось множество подходов к пониманию принципа невмешательства во внутренние дела государства. В ходе данного исследования дается авторская оценка адекватности подхода А. Геррейро¹ к пониманию принципа невмешательства сложившейся в международном сообществе обстановке. Также будет рассмотрена «конкурентоспособность» данного подхода в доктрине международного права. Прежде чем рассматривать принцип невмешательства в целом, необходимо рассмотреть его структурные единицы, его составляющие.

Под актом вмешательства понимается преднамеренный акт, совершаемый государством против другого государства в целях подчинения или изменения воли последнего. Понимание воли государства является темой для самостоятельного исследования. В доктрине международного права этот институт, конечно, наиболее развит в отрасли права международных договоров², поэтому лучше применить именно его. Процесс согласования воли государств – это процесс создания норм международного права, вне зависимости от того, является ли их источником международный договор, международно-правовой обычай, акт международной организации, конференции или суда. Таким образом, воля государства – это совокупность позиций лиц, уполномоченных по национальному и международному праву³, последовательно выражаемая в процессе создания норм международного права и в итоге закрепляемая в них. Безусловно, воля государства не может сводиться к позициям отдельных лиц, однако высшие должностные лица государства представляют его властные структуры, которые сформированы обществом и функционируют с его согласия и от его име-

¹ Геррейро А. Правовой статус принципа невмешательства // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 6–26.

² Тункин Г. И. Теория международного права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2016. С. 185–190. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2177734> (дата обращения: 19.10.2024).

³ Венская конвенция о праве международных договоров // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 19.10.2024).

ни. Таким образом, воля государства – это воля народа, опосредованная позициями указанных лиц.

Сам по себе акт вмешательства в международном праве оценивается неоднозначно, индивидуально в каждом случае. В связи с этим в доктрине возникли несколько точек зрения на данный институт. Одни определяют вмешательство как международное противоправное деяние, запрещенное международным правом¹, т. е. принцип невмешательства в данном случае определяется как правоохранительный. Другие рассматривают его лишь как часть этого правоохранительного принципа². Все еще распространена точка зрения, приверженцы которой говорят о праве государств на вмешательство³ или о возможности вмешательства⁴, указывая на принцип невмешательства как на процессуальную норму, определяющую основания и порядок осуществления этого права. Отдельные специалисты в сфере международного права обозначают обязанность государства осуществить вмешательство в определенных случаях⁵, т. е. называют исключения из принципа невмешательства.

Рассмотрим определение принципа невмешательства, которое дает А. Геррейро. В первую очередь он утверждает, что принципы, закрепленные в Уставе Организации Объединенных Наций, суть позиция большинства государств относительно системообразующих норм, регулирующих международные отношения. Действительно, членами ООН являются 193 государства, а Устав ООН – самый распространенный по сфере действия международный договор. Однако, к сожалению, на момент принятия Устава ООН не применялись положения Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров, в связи с чем действовавшие на тот момент обычные правила формирования и аутентификации текста договора не обеспечили абсолютную ясность относительно наиболее общих и системообразующих норм, в частности принципа невмешательства.

Признавая единую цель – обеспечение международного мира и безопасности, государства могут выбирать разные средства ее достижения. Эти средства прекрасно описаны школами международных отношений. Если страна придерживается социалистического и более левого курса, то для нее средством будет не что иное, как мировая социалистическая революция. Если страна поддерживает идеалы либерального толка, то для нее средством достижения всеобщего мира и безопасности будет развитие транснациональных корпораций, которые потянут за собой развитие всех регионов и постепенно выровняют их. Если мы остановимся на том, что предлагает международным отношениям феминизм, то поймем, что для установления мира и безопасности на планете человечеству необходимо сменить паттерн поведения с мужского на женский. Направлений достаточно много, однако суть от этого не меняется: цели общие, т. е. против всего плохого и за все хорошее, однако способы их достижения настолько существенны для их авторов, что они забывают о цели до тех пор, пока их вариант ее достижения не останется единственно возможным в пространстве мировых проектов.

А. Геррейро определяет принцип невмешательства как норму международного права, состоящую из множества других принципов и правил, закрепленных в Уставе ООН, поддерживая позицию Международного суда ООН⁶. В частности, автор в качестве составляющих принцип невмешательства во внутренние дела государства называет следующие нормы, закрепленные в Уставе ООН: ст. 2 (1) (принцип суверенно-

¹ Babic J. Foreign Armed Intervention: Between Justified Aid and Illegal Violence // Humanitarian Intervention: Moral and Philosophical Issues / ed. by A. Jokic. Peterborough, CA: Broadview Press, 2003. P. 50.

² Trindade A. A. C. International Law for Humankind. Towards a New Jus Gentium. 3rd ed. The Hague: Brill Nijhoff, 2020. P. 172.

³ Ohlin J. D. The Assault on International Law. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 214.

⁴ Tesón F. R., Vossen B. v. d. Debating Humanitarian Intervention: Should We Try to Save Strangers? Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 263. DOI: 10.1093/oso/9780190202903.001.0001.

⁵ Ruys T., Ferro L. The Enemy of My enemy: Dutch Nonlethal Assistance for 'Moderate' Syrian Rebels and the Multilevel Violation of International Law // Netherlands Yearbook of International Law 2019. 2020. № 50. P. 362. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-403-7_26.

⁶ Эта позиция сформулирована в п. 202 решения от 27 июня 1986 г. по делу о военных и связанных с ними действиях в Никарагуа и против Никарагуа («Никарагуа против Соединенных Штатов Америки»). См.: International Court of Justice. Reports of Judgments, advisory opinions and orders. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 26.10.2024).

го равенства), ст. 2 (3) (принцип мирного урегулирования международных споров), ст. 2 (4) (принцип недопустимости применения или угрозы применения силы), ст. 51 (неотъемлемое право на самооборону) и непосредственно ст. 2 (7).

При определении принципа суверенного равенства государств автор берет за основу мнение одного из докладчиков Конференции ООН¹ и перечисляет основные элементы принципа: юридическое равенство государств; неограниченность права государственного суверенитета; обязанность уважать правосубъектность государств, их территориальную целостность и политическую независимость; долг государств по соблюдению обязанностей и обязательств в рамках международного правопорядка. Таким образом, основанием принципа невмешательства А. Геррейро видит суверенное равенство государств.

Нельзя не согласиться с этим утверждением, однако можно ли в действительности признать суверенное равенство всех государств? Конечно, данный принцип необходимо рассматривать как цель для всего международного сообщества. Причем эта цель не должна восприниматься буквально, ее следует видеть как юридическую фикцию, как базовую часть языка международного права. Подобно другим базовым правилам наук, принцип суверенного равенства государств может соблюдаться в одних, наиболее фундаментальных, «измерениях» международного права (международное сотрудничество и кооперация) и не соблюдаться в других (международная безопасность).

Так, в праве международных организаций нередко проводится различие между государствами-учредителями и государствами, желающими вступить в ту или иную международную организацию. На практике нетрудно обнаружить, что принцип суверенного равенства государств не соблюдается на регулярной основе, однако в меньшем количестве случаев его соблюдение дает беспрецедентные результаты международной кооперации и сотрудничества. В результате нельзя утверждать, что данная норма является «мертвой», однако невозможно отрицать необходимость уточнения ее функционирования в других «измерениях». Это суждение справедливо и в отношении принципа невмешательства.

Второй принцип международного права, тесно переплетающийся с принципом невмешательства и совместно с ним и другими базовыми нормами образующий систему норм, регулирующих международные отношения, – принцип мирного разрешения международных споров. Здесь возникает идентичный рассмотренному выше вопрос обязательности исполнения данного принципа, который нередко используют для опровержения эффективности и целесообразности этой базовой нормы². А. Геррейро прекрасно парирует лингвистическим и логическим доводами. Первый касается обязывающего значения термина «shall», используемого в формулировке Устава ООН, и невозможности приравнять его к схожему, но неидентичному «should»³. Второй указывает на невозможность и деструктивность отказа от восприятия данного положения как принципа, поскольку статус нормы непосредственно влияет на эффективность ее исполнения, на правосознание как профессионального юридического сообщества, так и рядового правоприменителя.

Далее автор называет две связанные между собой, как причина и следствие, нормы: запрет на применение или угрозу применения силы и неотъемлемое право на самооборону. В отношении данных норм следует дать разъяснения об их соотношении с принципом невмешательства, поскольку здесь границы их применения кажутся менее очевидными, нежели для рассмотренных ранее норм.

Применение силы или угроза ее применения, безусловно, выступает формой вмешательства во внутренние дела государства, однако незаконные формы вмешательства не ограничиваются использованием силы. Дело в том, что запрет на примене-

¹ Конференция Объединенных Наций по созданию международной организации. Документы Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации: Сан-Франциско, 1945. Лондон; Нью-Йорк: Информационные организации Объединенных Наций, 1945. Т. VI. С. 457.

² *Kriener F.* Intervention, Prohibition of // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1434?rskey=F5tAGg&result=2&prd=M> PIL (дата обращения: 27.10.2024).

³ *Öberg M. D.* The Legal Effects of Resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the Jurisprudence of the ICJ // *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. Is. 5. November. P. 880–881. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi151>.

ние силы выделен в Уставе ООН как самостоятельный принцип в силу его особой важности в вопросах сохранения мира и безопасности. В сущности, он исходит из принципа невмешательства и является его составляющей. Это дает основания для необходимости определения структурных элементов принципа, подобных запрету на использование силы, однако данный вопрос не входит в предмет настоящей статьи и будет рассмотрен в других трудах. Некоторые государства, такие как США, рассматривали использование силы как единственное основание для противоправности вмешательства, указанные принципы, с их точки зрения, составляли единый нормативный комплекс, который невозможно применять порознь.

Такой подход был опровергнут сначала в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г.¹, а потом и в решении Международного суда ООН 1984 г. по делу о вооруженных и связанных с ними действиях в Никарагуа и против нее. В Декларации государства отчетливо определяют принцип невмешательства в качестве самостоятельного и, как и иные принципы Устава ООН, универсально, т. е. распространяемого на государства, на тот момент еще не вступившие в ООН.

В решении по делу 1984 г. «Никарагуа против США» Международный суд, следуя практике Нюрнбергского трибунала², являющейся основой для международного правосудия в сфере сохранения мира и безопасности, указал, что одни и те же действия могут составлять объективную сторону разных противоправных деяний. В частности, поставка оружия и другие формы поддержки вооруженных банд, функционирующих на территории другого государства, выступают одновременно нарушением как запрета на применение и угрозу применения силы, так и принципа невмешательства. Этот подход последовательно подтверждался и развивался Международным судом при рассмотрении других дел, например дела о вооруженных действиях на территории Конго (2005 г.)³.

Перейдем к соотношению сфер применения принципа невмешательства и неотъемлемого права на самооборону государств. Прежде всего, разницу сфер применения определяет сам характер сравниваемых правовых норм. Норма-принцип является ориентиром для других норм и внутринормативным источником права, т. е. из нее выходит целая система норм, цель которых – исполнение этого принципа. Право же, в отличие от принципа, обладает усиленным субъективным характером, т. е. полностью привязано к субъекту и неотделимо от него. Право не направлено на правовое регулирование, оно направлено по большей части на свою реализацию управомоченным субъектом.

У неотъемлемого права на самооборону, как у любого права, есть субъект его применения, если мы говорим о праве, закрепленном в ст. 51 Устава ООН, то это исключительно государства, а также условия его применения, т. е. юридические факты, наступление которых дает возможность управомоченному субъекту реализовать свое право.

А. Геррейро рассматривает неотъемлемое право на самооборону как исключение из принципа невмешательства, разделяя при этом самооборону в рамках ст. 51 Устава ООН и обычное право на самооборону, проистекающее из неотъемлемого права на независимость. Автор указывает на отличия сфер применения первого и второго права, а после этого переходит к концепциям, распространяющим действие права на самооборону на момент, предшествующий нападению на государство, а именно «упреждающая самооборона»⁴ или «предупреждающее применение силы»⁵.

¹ Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 27.10.2024).

² Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163756-prigovor-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-nyurnberg-1-oktyabrya-1946-g> (дата обращения: 27.10.2024).

³ Вооруженная деятельность на территории Конго («ДР Конго против Уганды»), существо дела, решение Международного суда ООН от 19 декабря 2005 г. См.: ICJ Reports. 2005. Par. 168. P. 165.

⁴ Wilmschurst E. The Chatham House Principles of International Law on the Use of Force in Self-Defence // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 55. Is. 04. October 2006. P. 966.

⁵ Dinstein Yo. War, Aggression and Self-Defence. 3rd ed. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2001. P. 194–196. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164726>.

Данные научные концепции, зиждущиеся на политических подходах США и их союзников по НАТО¹ (хотя и современная Национальная стратегия обороны очень блекло отражает «бушевскую» позицию, приравнивающую террористический акт к нападению на государство), подтверждаются рядом резолюций Совета Безопасности ООН начала 2000-х гг. (№ 1368² и № 1373³). Несмотря на это, нельзя, и даже противоправно, распространять принятую в ответ на исключительные события в США позицию на все международные отношения в сфере обеспечения международного мира и безопасности. Отстаивание такого подхода противоречит принципам и нормам, закрепленным в Уставе ООН, потому такой подход должен быть отринут научной доктриной как контрпродуктивный. Обоснование вооруженного вторжения в другое государство террористическим актом, совершенным террористической организацией с территории государства-объекта нападения, в обход процедуры рассмотрения и оценки событий Советом Безопасности ООН, бесконтрольно увеличивает количество вооруженных конфликтов в мире на основании применения права самообороны, а потому деструктивен.

Наиболее правильным из возможных в рамках существующей системы международного права подходов является укрепление и увеличение объемов сотрудничества по направлению миссий ООН по поддержанию мира и безопасности в совокупности с применением невооруженных мер принуждения государства, на чьей территории функционирует террористическая организация, представляющая угрозу миру и безопасности других государств и человечества в целом. Унификация ценностей разных государств позволит наиболее сплоченно вести борьбу с негосударственными (как правило, антигосударственными) субъектами международного права.

Исследовав все косвенно связанные с принципом невмешательства нормы, принципы и права, мы можем перейти непосредственно к норме Устава ООН, запрещающей вмешательство во внутренние дела государства, а именно к ст. 2 (7). Стоит отметить, что дискуссии о значении данной нормы возникли в момент вступления в силу Устава ООН и не утихают по сей день. Отдельные игроки на международной арене стремились ограничить действие принципа невмешательства отношениями между ООН и государствами-членами, однако данный подход не пользовался поддержкой с момента его появления, хотя отдельные теоретики продолжают его отстаивать и развивать⁴. При этом как сама Организация (см. решение Международного суда ООН по делу «США против Никарагуа»), так и ведущие мыслители в сфере международного права⁵ распространяют действие данного принципа не только на отношения между Организацией и государствами-членами, но и на отношения между государствами-членами и субъектами международного права, не приобретшими статус члена Организации.

А. Геррейро не противопоставляет два названных выше подхода, а, ссылаясь на позицию Международного суда ООН по делу «США против Никарагуа», в которой устанавливается, что Устав ООН – это не единственно возможный источник закрепления принципов международного права, указывает на то, что они взаимодополняют друг друга. Видится верным полагать, что эти подходы взаимодополняют друг друга так же, как дополняют друг друга расширительное и буквальное толкование нормы права. Первое допускает второе, однако второе – не допускает первого, т. е. взаимности тут не может быть, вектор расширения международного права имеет только подход, распространяющий действие ст. 2 (7) Устава ООН на отношения между государствами-членами, а также между государствами-членами и государствами, не являющимися членами ООН.

¹ National Security Strategy, October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).

² Резолюция № 1386 Совета Безопасности ООН от 12 сентября 2001 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/1619678/ (дата обращения: 30.10.2024).

³ Резолюция № 1373 Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г. URL: <https://cbr.ru/content/document/file/124035/1373.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).

⁴ *Tladi D. The Duty Not to Intervene in Matters within Domestic Jurisdiction // The UN Friendly Relations Declaration at 50. An Assessment of the Fundamental Principles of International Law / ed. by Jorge E. Viñuales. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 87–104. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108652889.006>.*

⁵ *Brownlie I. Principles of Public International Law. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 553.*

Отстаивая данный подход, А. Геррейро оперирует латинской формулой *a minori ad maius* (от меньшего к большему), подразумевая, что Организация – большее по отношению к государствам-членам. Такие доводы противоречат классической теории субъектов международного права, где государства признаются первичными (природными) субъектами международного права, а международные организации – производными. Данный подход следует отстаивать, применяя другие доводы. Например, Международный суд ООН в решении по делу «США против Никарагуа» сначала дает обоснование тому, что право на вмешательство во внутренние дела государства, за исключением вмешательства в целях деколонизации, – это не норма общего права государств, а затем дополняет вывод тем, что общее право государств на суверенитет закрепляет и распространяет действие принципа невмешательства, выраженного, в частности, в ст. 2 (7) Устава ООН, на отношение между всеми государствами и даже негосударственными субъектами. Такой подход видится предпочтительным при обосновании сферы действия принципа невмешательства.

Далее А. Геррейро переходит к подбору нормативных оснований признания принципа невмешательства нормой *jus cogens* в истолковании Комиссии международного права¹. Ученый приводит внушительный ряд актов, которые, с его точки зрения, подтверждают гипотезу о том, что принцип невмешательства отражает и защищает основополагающие ценности международного сообщества; занимает превалирующее над иными нормами международного права положение; является универсально применимой нормой; относится к нормам общего международного права, а также соблюдается и признается международным сообществом государств в целом; отражается в практике государств.

Рассмотрим нормы, на которых базируются выводы А. Геррейро.

1. Практика Международного суда ООН: данную базу стоит охарактеризовать как рекомендательную и добровольную, поскольку подсудность этого органа международного правосудия² исключает возможность распространения его обязательных решений на большое число государств. Таким образом, практика Международного суда ООН отражает лишь малую часть действительности международных отношений, касающуюся поведения государств в тех сферах, где их позиция по вопросу кажется им наиболее юридически обоснованной и соответствующей международному праву, в отличие от позиции их процессуального оппонента:

а) дело о проливе Корфу («Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии против Албании»): в нем отражается подход, согласно которому неотъемлемое право на вмешательство выступает проявлением антиправовой политики силы, противоречащей принципу неприкосновенности территориального суверенитета³;

б) вооруженная и связанная с ней деятельность США в Никарагуа и против нее («США против Никарагуа»): в решении определяются истоки принципа невмешательства, принцип суверенного равенства государств и его обычно-правовой характер;

в) вооруженная деятельность на территории Демократической Республики Конго («Демократическая Республика Конго против Уганды»): в нем наиболее четко устанавливается и обосновывается запрет на поддержку внутренней оппозиции в другом государстве, независимо от методов такой поддержки⁴.

2. Высшие нормативные правовые акты государств-членов ООН. Автор исследует нормы, закрепленные в национальных конституциях, прямо или косвенно отражающие обязательность принципа невмешательства во внутренние дела государств.

¹ Пункт 375 доклада исследовательской группы Комиссии международного права «Фрагментация международного права: трудности, возникающие в результате диверсификации и расширения международного права». Полный текст доклада на английском языке см.: URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

² Устав Международного суда ООН // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/iccj/statut.shtml> (дата обращения: 10.11.2024).

³ Дело о проливе Корфу («Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии против Албании»). Решение Международного суда ООН от 9 апреля 1949 г. С. 34–35. См.: URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/1/001-19490409-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴ Пункт 164 решения Международного суда ООН от 19 декабря 2005 г. по делу о вооруженных действиях на территории Конго («Демократическая Республика Конго против Уганды»). См.: URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/116/116-20051219-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

Прежде всего, стоит заметить, что конституции признаются высшими нормативными правовыми актами далеко не во всех государствах-членах ООН. Так, мусульманские правовые системы ставят выше правовых норм любого уровня религиозные догматы и обычаи. Кроме того, в каждом случае необходимо удостовериться, что обеспечено прямое действие конституционных норм, т. е. норма является на самом деле действующей, а не просто декларируемой. Важно установить, что принцип невмешательства имплементирован в систему внутреннего законодательства государств-членов. Сама попытка установить всеобщее признание обязательности нормы международного права через ее закрепление или даже имплементацию во внутригосударственные системы права не может иметь самостоятельной исследовательской ценности. Как минимум, потому, что любая действительная, а не мнимая, имплементация норм международного права принципиального характера в итоге выражается в установлении соответствующих международно-правовых норм вследствие изменения паттернов внешней политики. Таким образом, хотя ссылки на отдельные нормы конституций и свидетельствуют о признании государствами принципа невмешательства, однако по ним нельзя с уверенностью определить истинность волеизъявления государств. В данном направлении необходимо проводить самостоятельное исследование, результаты которого, можно с уверенностью это сказать, уменьшат число государств, «на деле» признающих принцип невмешательства.

3. Нормы международных договоров:

а) Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.¹: по нему А. Геррейро выделяет положения о сфере действия принципа невмешательства. Государства-участники Совещания определили ограничение принципа невмешательства применением силы (ст. 1а (VI)). Формулировка нормы оставила правовой и лингвистической доктрине место для дискуссий. Первая касается объема термина «сила»: входит ли в него мягкая сила или же авторы ограничивались применением традиционных для того времени паттернов грубой силы. Во второй, также важной для юридического исследования, речь идет об однозначности термина «вмешательство» при его переводе на разные языки. Так, английские «interference» и «intervention» признаются многими авторами синонимами, однако данные положения являются предметом отдельного исследования, выходящего за рамки права;

б) Учредительный акт Африканского Союза²: здесь государства не просто определили невмешательство (ст. 4g), но и отделили невмешательство от «интервенции» (смежного с ним института);

в) Устав Организации американских государств (далее – ОАГ)³: позиция государств-членов этого документа относительно разграничения вмешательства и интервенции и их запрещения совпадает с позицией стран Африканского Союза (ст. 3е и 19);

г) Устав Организации государств Юго-Восточной Азии⁴: принцип невмешательства рассматривается в соответствии с подходом ОАГ;

д) Устав Организации Исламская конференция⁵: принцип невмешательства трактуется аналогично Уставу ОАГ;

е) Хартия Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии⁶: принцип невмешательства лишь упоминается, его содержание не раскрывается;

ж) Пакт Лиги арабских государств⁷: принцип невмешательства не назван, однако закреплены принципы международного права, из которых он исходит (суверенное равенство, независимость государств);

¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. См.: Официальный сайт СБСЕ. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

² Учредительный акт Африканского Союза // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901880996> (дата обращения: 10.11.2024).

³ Устав Организации американских государств // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902051> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴ The ASEAN Charter. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

⁵ Устав Организации Исламская конференция. URL: <https://e-islam.kz/ru/qazaqstandagy-islam/vnutrennie-kategorii/aza-stan-islam-leminde/islam-yntyama-tasty-jymy-iy/item/371-eislam/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁶ Charter of the South Asian Association for Regional Cooperation. URL: <https://www.saarc-sec.org/index.php/about-saarc/saarc-charter> (дата обращения: 16.11.2024).

⁷ The Charter of the League of Arab States. URL: <http://www.leagueofarabstates.net/en/aboutlas/Pages/Charter.aspx> (дата обращения: 18.11.2024).

з) Договор о Европейском союзе¹: здесь важно обратить внимание на регламентацию процедур вмешательства Европейского союза в дела государств, бывшие внутренними до заключения Договора;

и) иные отраслевые и институциональные международные договоры².

Перейдем к подведению итогов критического анализа подхода А. Геррейро.

Во-первых, закрепление принципа невмешательства в Уставе ООН нельзя расценивать как абсолютное свидетельство его признания подавляющим большинством государств.

Во-вторых, принцип невмешательства действует во всех отраслях международного права и действует с разной степенью эффективности, в связи с этим необходимо конкретизировать применение принципа невмешательства по отраслям международного права: где он является обычной нормой, где нормой *jus cogens*, а где договорной нормой и т. д.

В-третьих, принцип невмешательства включает в себя множество институтов, часть из которых, подобно запрету применения или угрозы применения силы, становятся с течением времени самостоятельными принципами, сохранившими связь с принципом невмешательства.

В-четвертых, подход к праву на самооборону как к исключению из принципа невмешательства контрпродуктивен, R2P следует рассматривать именно как право в рамках существующей системы норм права международной безопасности.

В-пятых, взаимодействие существующих подходов понимания сферы действия принципа невмешательства по субъектам (буквальный и расширительный) нельзя охарактеризовать как взаимодополнение, так как лишь второй дополняет первый.

В-шестых, при подборе правовых оснований для признания принципа невмешательства нормой *jus cogens* необходимо брать за «камертон» не факты существования норм международного и национального права, отражающие закрепление принципа невмешательства в соответствующих отношениях, а именно механизмы имплементации нормы Устава ООН в соответствующие процессы внутригосударственной и международной деятельности.

Таким образом, подход к пониманию принципа невмешательства, которого придерживается А. Геррейро, может быть усовершенствован и развит посредством переосмысления указанных выше вопросов. По каждой из приведенных в предыдущих абзацах тем возможно провести самостоятельное исследование, и не одно. Критический анализ позволяет нам дополнять существующие в научной доктрине взгляды на правовые явления, и данная работа это подтверждает.

Список литературы

Геррейро А. Правовой статус принципа невмешательства // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 6–26.

Тункин Г. И. Теория международного права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2016. 416 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2177734> (дата обращения: 19.10.2024).

Babic J. Foreign Armed Intervention: Between Justified Aid and Illegal Violence // Humanitarian Intervention: Moral and Philosophical Issues / ed. by A. Jokic. Peterborough, CA: Broadview Press, 2003. P. 45–70.

Brownlie I. Principles of Public International Law. Oxford: Clarendon Press, 1990. 748 p.

Dinstein Yo. War, Aggression and Self-Defence. 3rd ed. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2001. 332 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164726>.

Jamnejad M., Wood M. The Principle of Non-intervention // Leiden Journal of International Law. 2009. Vol. 22. Is. 2. P. 345–381. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156509005858>.

Kriener F. Intervention, Prohibition of // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1434?rskey=F5tAGg&result=2&prd=MPIL> (дата обращения: 27.10.2024).

Öberg M. D. The Legal Effects of Resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the Jurisprudence of the ICJ // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. Is. 5. November. P. 879–906. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi151>.

Ohlin J. D. The Assault on International Law. Oxford: Oxford University Press, 2015. 304 p.

¹ Договор о Европейском союзе. URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 18.11.2024).

² Jamnejad M., Wood M. The Principle of Non-intervention // Leiden Journal of International Law. 2009. Vol. 22. Is. 2. P. 345–381. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156509005858>.

Ruys T., Ferro L. The Enemy of My enemy: Dutch Nonlethal Assistance for 'Moderate' Syrian Rebels and the Multilevel Violation of International Law // *Netherlands Yearbook of International Law* 2019. № 50. P. 333–376. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-403-7_26.

Tesón F. R., Vossen B. v. d. Debating Humanitarian Intervention: Should We Try to Save Strangers? Oxford: Oxford University Press, 2017. 288 p. DOI: 10.1093/oso/9780190202903.001.0001.

Tladi D. The Duty Not to Intervene in Matters within Domestic Jurisdiction // *The UN Friendly Relations Declaration at 50. An Assessment of the Fundamental Principles of International Law* / ed. by J. E. Viñuales. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 87–104. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108652889.006>.

Trindade A. A. C. *International Law for Humankind. Towards a New Jus Gentium*. 3rd ed. The Hague: Brill Nijhoff, 2020. 770 p.

Wilmshurst E. The Chatham House Principles of International Law on the Use of Force in Self-Defence // *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 55. Is. 04. October 2006. P. 963–972.

References

Babic J. (2003) Foreign Armed Intervention: Between Justified Aid and Illegal Violence. In Jokic A. (Ed.) *Humanitarian Intervention: Moral and Philosophical Issues*. Peterborough, CA, Broadview Press, pp. 45–70.

Brownlie I. (1990) *Principles of Public International Law*. Oxford, Clarendon Press, 748 p.

Dinstein Yo. (2001) *War, Aggression and Self-Defence*, 3rd ed. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 332 p., DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164726>.

Guerreiro A. (2022) Pravovoi status printsipa nevmeshatel'stva [The legal status of the principle of non-intervention]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1, pp. 6–26, DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-6-26>.

Jamnejad M., Wood M. (2009) The Principle of Non-intervention. In *Leiden Journal of International Law*, vol. 22, is. 2, pp. 345–381, DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156509005858>.

Kriener F. (2008) Intervention, Prohibition of. In *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*, available at: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1434?rskey=F5tAGg&result=2&prd=MPIL> (accessed: 27.10.2024).

Öberg M. D. (2005) The Legal Effects of Resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the Jurisprudence of the ICJ. In *European Journal of International Law*, vol. 16, is. 5, November, pp. 879–906, DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chi151>.

Ohlin J. D. (2015) *The Assault on International Law*. Oxford, Oxford University Press, 304 p.

Ruys T., Ferro L. (2020) The Enemy of My enemy: Dutch Nonlethal Assistance for 'Moderate' Syrian Rebels and the Multilevel Violation of International Law. In *Netherlands Yearbook of International Law* 2019, no. 50, pp. 333–376, DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-403-7_26.

Tesón F. R., Vossen B. v. d. (2017) *Debating Humanitarian Intervention: Should We Try to Save Strangers?* Oxford, Oxford University Press, 288 p., DOI: 10.1093/oso/9780190202903.001.0001.

Tladi D. (2020) The Duty Not to Intervene in Matters within Domestic Jurisdiction. In Viñuales J. E. (Ed.) *The UN Friendly Relations Declaration at 50. An Assessment of the Fundamental Principles of International Law*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 87–104, DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108652889.006>.

Trindade A. A. C. (2020) *International Law for Humankind. Towards a New Jus Gentium*, 3rd ed. The Hague, Brill Nijhoff, 770 p.

Tunkin G. I. (2016) *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of international law]. Moscow, IKD «Zertsalo-M», 416 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/product/2177734> (accessed: 19.10.2024).

Wilmshurst E. (2006) The Chatham House Principles of International Law on the Use of Force in Self-Defence. In *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 55, is. 04, October, pp. 963–972.